

Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.

Ю. Д. Левитанский

Элиз тан Канбер, герцогиня Саульская и королева Болара, умирала. Она чувствовала это сама, кровотечение так и не смогли остановить, сил становилось все меньше и меньше. Плохие предчувствия у нее были еще до того, как она отправилась по повелению короля, своего мужа, в этот женский монастырь «Покаяние Спасителю». Просто все королевы династии Канбер рожали детей в этом монастыре. Она уже третий раз посещала этот монастырь по женской надобности, для рождения наследников королю. Королева справилась и родила, но вот сама пострадала, а может, это боги наказали ее. Ей очень не хотелось умирать (как будут без матери ее крошки?), но что она могла поделать. Настоятельница вторые сутки не отходила от ее кровати, но помочь уже была не в силах: ни настои, ни молитвы не помогали. И ведь это уже у королевы третьи роды, организм должен был бы привыкнуть, но произошел разрыв каких-то сосудов, и кровотечение остановить не смогли.

Королева была из древнейшего рода, который был даже старше королевской династии.

Она была очень красива и намного моложе короля. Да, это был династический брак, благодаря которому объединились два древнейших рода королевства, чтобы пресечь пересуды, кто из них более достоин трона. Король ждал взросления Элиз целых пятнадцать лет, он очень любил свою жену, ведь пришлось многим жертвовать ради нее, и вот вдруг такое.

— Покажи мне детей, — попросила королева настоятельницу.

Та подняла один сверток, лежащий совсем рядом на широкой лавке.

— Это девочка, она очень красивая, — проговорила настоятельница с гордостью, словно сама родила ее.

Подержав малышку перед глазами матери, она положила ребенка и взяла в руки второй сверток.

— А это мальчик, он очень похож на свою сестру, словно копия, — показала она королеве второго малыша и с какой-то затаенной грустью посмотрела на него.

— Поднеси его ближе, — прошептала Элиз, и, когда настоятельница поднесла малыша почти к самому лицу королевы, та из последних сил приподняла голову и поцеловала ребенка.

— Умоляю тебя, Арния, спаси его, — прошептала Элиз, и по ее щекам побежали слезы.

— Сделаю все, что смогу, моя королева.

— Сними с меня медальон и надень на него, пусть будет ему память о матери.

Это был простой бронзовый медальон на такой же цепочке с нанесенными на него какими-то рунами и иероглифами, который уже не одну сотню лет передавался в роду и, по преданию, служил оберегом. На удивление, он был таким, как будто его сделали только вчера, и за те сотни лет, что его носили, не претерпел никаких изменений.

Никто уже не помнил, кто придумал этот закон, по которому третьего сына правителя лишали жизни сразу же после рождения. Первенец становился наследником, второй сын — военным вождем, а вот третьей должна была рождаться только девочка, услада для глаз родителей и разменная монета в дальнейшем династическом браке для выгоды королевства.

Но закон есть закон, пусть уже не одну сотню лет его не применяли: просто не рождались третьи сыновья. Нынешний король был единственным ребенком, как его отец ни старался, да и ранее у династии, сидевшей на троне, редко когда было более одного ребенка. А вот Элиз родила уже четверых, при этом последний раз сразу двойню. Мальчика и девочку, похожих друг на друга как две капли воды. Только у мальчика, как и у всех мужчин Канбер, над правой грудью была родинка в форме полумесяца и три родинки, образующие треугольник: две возле острых концов полумесяца и одна посередине.

Арния видела, как тело королевы вытянулось и грудь перестала вздыматься.

«Отмучилась», — мелькнуло в ее голове.

Она закрыла глаза Элиз и принялась обдумывать, что ей предпринять. Во-первых, выполнить во что бы то ни стало просьбу королевы, а во-вторых, как это все сохранить в тайне. Пока о рождении королевой третьего сына знали двое: она и старая Свизи-повитуха. Настоятельница произнесла короткую молитву и осенила себя священным кругом. За стенами женского монастыря опускался вечер. Настоятельница закрыла плотно дверь, зажгла свечу и, сев за стол, стоящий тут же, принялась писать письмо своему младшему брату. Она могла доверить эту тайну только тому, кого хорошо знала, и была уверена, что он не предаст и сохранит все в секрете.

Закончив писать, она вызвала старого, но еще крепкого одинокого старика-садовника, работавшего уже десяток лет в монастыре, и дала ему указание. Тот, прихватив кормилицу, которую приготовили для ребенка (ведь королева не вскармливала детей грудью, оберегая фигуру), отправился запрягать лошадей в повозку.

Настоятельница уложила малыша в большую корзину, прихватив письмо, кошель с деньгами на дорожные расходы и подорожную грамоту, а также затолкала в нее ворох нарезанного полотна и вынесла все это во двор. В монастыре шла вечерняя служба, настоятельница тоже должна была на ней присутствовать, но сейчас у нее были более неотложные дела. Проводив

повозку и закрыв за ней ворота, она вызвала с вечерней молитвы послушницу и отправила ее сообщить слугам и охране королевы, находящимся в селе под стенами монастыря и ожидавшим, когда королева разрешится от бремени, о том, что та, родив здоровую и красивую девочку, сама умерла родами. По пути послушница должна была сообщить еще одной женщине, которую предполагали взять кормилицей, но отдали предпочтение другой, что требуются ее услуги.

Повитуха, старая сестра-монашка, должна была пройти обряд очищения и находилась в закрытой келье. Поэтому вопрос о том, что с ней делать, чтобы сохранить тайну, откладывался на неделю. Потом все закрутилось, завертелось: похороны королевы, беседы с королевскими дознавателями. И вдруг Арнии сообщают, что старая Свизи умерла. Настоятельница даже растерялась, но где-то глубоко в душе она была благодарна Спасителю за то, что он прибрал старуху и не довел настоятельницу до греха душегубства. Дознаватели тут же кинулись искать злой умысел, но все оказалось намного прозаичнее. Видно, не пережила повитуха смерти королевы, виня себя в том, что, может, она, сделав что-то неправильно, и была повинна в смерти королевы.

Постепенно все успокоилось. Настоятельница монастыря, отмолив грехи — свои и надуманные, часто задумывалась, как там малыш, все ли

с ним хорошо. Однажды она села и написала покаянное письмо на имя короля, но не отправила ему, а запечатала сургучом и оставила у себя в столе. Не могла настоятельница носить в себе тайну и королеве данное слово нарушить не могла, вот и выплеснула все на бумагу. Если и найдут его, то только после того, как она отправится на перерождение.

Тяжело в пути с маленьким ребенком, но малыш был очень спокойным, только ел и периодически пачкал пеленки, которые не успевали стирать. Поэтому ребенок в основном лежал голым, благо, что было лето, да и кормилица была женщиной опытной. Старик и женщина с ребенком ночевали на постоянных дворах и в придорожных тавернах, и, так как молока для ребенка должно хватать, старик кормил женщину просто, но сытно. Каждый день, отмеряя версту за верстой, повозка приближалась к конечной цели путешествия, вот уже три недели они в пути, осталось совсем немного. Наконец они въехали в ворота замка барона Марка дир Мушера. Услышав, что прибывшие явились с письмом от настоятельницы храма к самому барону, слуги тут же его позвали. Барон, мужчина чуть за сорок, вышел недовольным и нахмуренным: его оторвали от важных дел, и он хотел быстрее разобраться, чтобы снова к ним вернуться.

— Ну что там еще? — проговорил он, принимая пакет, но, увидев подпись, улыбнулся.

По мере чтения письма его настроение из доброжелательного сменилось неподдельной радостью.

— Так-так-так, — приговаривал он, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, словно собирался куда-то бежать. — Мальчишку в семейную опочивальню, Ванка, проводи кормилицу в комнату рядом. А с тобой потом разберемся, — проговорил он, когда закончил читать, и посмотрел на бывшего садовника, а теперь кучера повозки, — накормите его, налейте кувшин вина или пива, и пусть отдохнет с дороги, — отдал он распоряжение, а сам развернулся и почти бегом бросился в замок.

— Верона, ты только посмотри, что пишет сестра! — кричал он всю дорогу, пока не столкнулся с миниатюрной женщиной, выходящей ему навстречу из одной из комнат.

— Марк, ты всех ворон в округе переполошил, чего кричишь, — проговорила она, улыбаясь.

— Ты только прочти, дорогая, что пишет сестра, — проговорил барон и сунул ей письмо в руки.

Баронесса поднесла бумагу к глазам, и по мере чтения выражение ее лица становилось все более удивленным.

— Марк, — зашептала она, — никто не должен этого знать, ты понимаешь, во что мы ввязались? А мальчик пусть растет, мы с тобой можем его просто усыновить. Может, поэтому Спаси-

тель и не дал нам детей, чтобы мы смогли воспитать этого малыша как своего. Не кричи, не накликивай беду, а отправляйся завтра в городской храм и поставь большую свечу Спасителю, а также денег пожертвуй братии. А потом поговори с кюре об усыновлении мальчика. Ты видишь, Арния передала бумагу, что это ребенок вроде бы твоего дальнего родственника Григора дир Мушера, род которого пресекался. У тебя был такой?

— Да не было никогда никаких Григоров... Хотя, может, и были, — барон в сомнении pokrutil головой. — А не все ли равно? Теперь это наша кроха, — заулыбался он.

— Тсс, — приложила палец к губам баронесса, потом подхватила супруга под руки. — А сейчас давай посмотрим на малыша.

— Какой же он хорошенький, какой милый мальчик! Он будет спать в нашей спальне, я распоряджусь поставить его кроватку к нам, а кормилица сможет приходить и кормить его, — щебетала некоторое время спустя баронесса, разглядывая малыша, лежащего на семейном ложе баронов. — Я сама буду следить за его воспитанием, — говорила она, прижав руки к груди. — Ты это куда, грязными руками ребенка брать, иди сейчас же вымой! Дорогой, запомни, брать малыша можно только чистыми руками, и говори тихо, он же спит, — шипела она на Мар-

ка. — И скажи плотнику, пусть срочно изготовит кроватку для малыша.

Эта миниатюрная женщина имела стальной характер и железные нервы, и поэтому в замке все ходили по струнке. Нет, она не была злой, не имела стервозного характера, но всегда и во всем любила порядок, да и любили они друг друга с бароном. Вот так и начался новый этап в жизни семейства барона Марка дир Мушера.